

НЕМЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА

Говоря по-немецки, немецкий республиканец средних достоинств твердо знает о своем государстве лишь одно: он знает, что это выгодное дело. Монархист придерживается о республике точно того же мнения. Да и вообще монархистов уже давно нет в природе. Есть только люди, превратившие свои бывшие монархические замашки в средство наживы. Кто готов поступиться своими замашками, того допускают в дело. Монархист превращается в заурядного республиканца, республика же приобретает по части лживости придворный отенок.

Немецкий монархо-республиканец в душе своей — советник правления. Он взирает на платежеспособную толпу, как правление банка — на мелких акционеров. Последние не должны иметь никакого влияния, и участие их в прибылях следует по возможности ограничить. Отсюда проистекает разбавление капитала, сопровождаемое красивыми словами об общем благе. Каждому члену правления принадлежит несколько голосов, и до самой своей смерти он так и не поймет, что две трети голосов все-таки находятся в руках оппозиции.

Две трети немцев — рабочие и служащие, но где и в чем это сказывается? Среди оставшейся трети денег тоже почти ни у кого нет. Деньги по сути дела правят здесь единовластно, они приобретают исключительную ценность. Но правят деньги не потому, что

они есть у нескольких человек, а потому, что все остальные денно и ночью мечтают о них. Потому что это всеобщая мечта. Потому что работу свою, которая на деле составляет всю их жизнь, люди почитают далеко не так, как почти для всех недоступные, чуть ли не воображаемые деньги.

Это — новшество послебуржуазной эпохи. Люди еще не знают, что теперь уже ничто не изменится, что мы навсегда останемся просто рабочими. Признай мы это, все тотчас бы приобрело совсем другой и более терпимый смысл. Но поскольку мы этого не признаем, мы разбрасываемся по мелочам и позволяем себя обманывать. Наше участие в прибылях, если только с ним будет связано наше представление о республике, легко уменьшить и свести к нулю. Искусное правление легко справится с этим.

Правда, мы с тем же успехом могли бы придерживаться совсем другого мнения о республике. Мы могли бы высказать иную мысль и отстаивать ее: республика — это мы сами. Мы взлелеивали эту мысль уже в годы монархии, ибо мир трудящихся уже тогда выступал против облеченных правами, и авторитет уже тогда отступал под натиском критики. Война была лишь очередным поворотом истории, не будь этого поворота, история все равно подарила бы нам республику. Никто ведь не станет утверждать, что великие перемены можно было предотвратить и что наше теперешнее положение есть чистая случайность.

Республика стала свершившимся фактом, она существует как выражение трудящихся масс, которые верят в справедливость и убеждены в силе разума. Таковы мы все, пока правительство не оглупит нас. Когда республика говорит нам о делах, не имеющих отношения к коммерции, мы начинаем прислушиваться к голосу своего сердца, ибо только там живет образ республики. Республика говорит нам о возвышенном. О том, что должен воцариться мир. О том, что должен повыситься общий жизненный уровень. О том, что никому не должно быть отказано в образовании, которое духовно вооружает человека для жизни.

Правительство со своей стороны вместо мира создает стальной трест. Мы ни разу не слышали от него ни единого слова о том, что мы хотим быть друзьями Франции. Мы можем быть лишь ее компаньонами. Каждое движение республиканского чувства должно бы сегодня толкать нас в объятия Франции. В ней воплощен наш государственный идеал — идеал людей более счастливых. Франция опытнее в этом вопросе, чем мы, она могла бы нам помочь, ее духовное признание пошло бы на пользу нашему государству... Но не тут-то было! Неприкрытый национализм создает железный картель и называет это взаимопониманием.

В один прекрасный день картель может отслужить свою роль и стать излишним; тогда они извлекут на свет божий «заклятого врага» или заставят этого врага выступить вместе с ними против других врагов. Рейхсвер требует куда больше средств, чем кто-нибудь способен или имеет право представить себе. Какое большинство несостоятельных избирателей могло уполномочить своих депутатов голосовать за армию, которая уже сейчас лишает избирателя всего, что он хотел бы иметь для себя — реальную помощь по безработице, снижение пошлин, государственную заботу о культуре и человеке, а в один прекрасный день на полях сражений лишит его и самой жизни?

Какие избиратели из неимущих уполномочили своих депутатов повышать пошлины на привозную муку? Из-за какого предательства, из-за какой подлости, совершенной из ненависти к духу, то есть иначе говоря, ненависти к обществу, появляются законы против свободы мысли и выступлений, хотя совершенно ясно, что в стране нет сколько-нибудь значительного большинства, желавшего этих законов и могущего себе отчетливо представить их последствия. Какое дело депутатам — две трети из них избраны от единого прусского государства — какое им дело до «федерализма» — а они злонамеренно голосуют за него с единственной целью вызвать социальный регресс. Не соберет большинства по стране и конкордат или сходный с ним закон о школе. И, несмотря на это, нас хотят вернуть вспять, к временам Вильгельма — в общественном и духовном

смысле — последнее тоже лишь ради общественного воздействия!

Все, без исключения все мероприятия правления этой акционерной компании сознательно идут на обман и ущемление прав малых сих. Мы есть страна демократическая, насилие вышло у нас из каждодневного употребления, малым дано право голоса — но это право служит им же во вред. Тонем глубокого убеждения малым доказывают, что задача их в том и состоит, чтобы позволить сожрать себя. Сейчас у нас идет очередная кинокартина, призванная морально оправдать производство оружия: нельзя-де лишать рабочего куска хлеба. Хлеба! Куска кислого, черствого хлеба, за то чтобы рабочие снова позволили, когда придет срок, отравлять себя газом ради работодателей. Такова лицевая и такова оборотная сторона морали республиканского акционерного общества.

Какова мораль, таков и дух, таково и сердце. Тем людям, которые образуют в рейхстаге откровенно реакционный блок, направленный против неимущих, которые превосходно чувствуют себя в этом блоке даже тогда, когда он проводит закон об уменьшении детских рационов — тем людям нельзя внушить, что они мерзки, омерзительны в сути своей. Если бы они могли увидеть себя со стороны, они бы не сделали по крайней мере последнего. Нравственность как внутренняя эстетика им незнакома. Они знают лишь само слово «нравственность» как вспомогательное средство для того, чтобы кого-нибудь одурачить. В душе своей члены правления и в жизни зачастую тоже весьма склонные к этой должности, они не находят времени, чтобы чему-нибудь учиться.

В лучшем случае их можно попросить снова пробежать то, что они в дни своей молодости — пусть даже без особого успеха — изучали на школьной скамье: повторить букварь с поучительными историями, а также перечитать проповеди.